

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОППОЗИЦИЯ И СВОЕОБРАЗИЕ ФОКАЛИЗАЦИИ В «ЗАПИСКАХ ЮНОГО ВРАЧА» М. БУЛГАКОВА

У статті досліджується час як об'єкт рефлексії оповідача у циклі оповідань М.О. Булгакова «Нотатки юного лікаря», виділяються три часових плана: теперішній час ауктора, час ретроспекції, спогадів і філософське осмислення часу. Виявляється, що особистий екзистенціальний час героя співвідноситься з соціально-історичною темпоральністю.

Ключові слова: М.О. Булгаков, художній час, художній простір, фокалізація, рефлексія, ауктор.

Художественное пространство и время как одна из ведущих черт поэтики М.А. Булгакова привлекает стойкий интерес исследователей. Правда, в центре внимания оказываются по преимуществу романы и повести писателя. Однако не стоит забывать, что основные приёмы намечались и апробировались в ранней «малой» прозе, чтоб реализоваться в дальнейшем в зрелых произведениях мастера. В этом смысле заслуживающим особого внимания представляется цикл «Записки юного врача» (1925-1927), в системе поэтики которого темпорально-пространственные компоненты художественного мира оказываются одними из ведущих.

Цикл «Записки юного врача» долгое время оставался в тени булгаковедения. Достаточно сказать, что в объемной вступительной статье В.Я.Лакшина к пятитомному собранию сочинений писателя ему отведен всего один абзац [3, 13], а в комментариях речь идет преимущественно об автобиографической основе цикла и о его отношении к известным произведениям аналогичной тематики А.П.Чехова и В.В.Вересаева. В последние годы ситуация, кажется, сдвинулась с мёртвой точки: несомненный интерес вызывает появившаяся в 2002 году книга Е.А.Яблокова «Текст и подтекст в рассказах М.Булгакова («Записки юного врача»)» [6], которая посвящена анализу взаимодействия эксплицитного и имплицитного смыслов рассказов цикла, которые не могут быть постигнуты без учёта сложной системы подтекстных связей. Между тем «Записки юного врача» интересны и как пример оригинальных художественных решений Булгакова прежде всего в сфере моделирования пространственно-временного континуума.

Автодиегетическая наррация «Записок юного врача» определяет своеобразие способов передачи пространства и времени в цикле, где важным фактором является наличие героя-повествователя. Очень важно при этом принимать во внимание, что временная интерпретация событий, описываемых в произведении, зависит от соотношения этих событий с перцептивно-психологическим пространством героя. Следует принимать во внимание условность «настоящего» в повествовании, т.к. рассказ о событиях предполагает, что они уже произошли, т.е. возникает иная пространственная среда, нежели та, о которой повествует ауктор. Возникает феномен не только наблюдателя, но и действующего лица. Поэтому важно выделять не только его фокализацию, но и его положение «во времени», где особая роль отводится памяти, воспоминаниям, ожиданиям. Е.А. Яблоков справедливо отмечает, что «для булгаковской прозы характерна явственная временная дистанция между моментом повествования и фабулой, создающаяся либо с помощью «рассказа в рассказе» («Налёт», «Я убил» и др.), либо за счёт интенсивной авторефлексии повествователя («Записки юного врача», «Морфий», «Тайному другу»), либо вследствие повышенной «эпичности» его интонаций» [8, 78]. Это, безусловно, необходимо учитывать. При этом возникает потребность рассматривать пространственно-временную дистанцию между самим событием и рассказом о нём. Мы полагаем, что художественное пространство и время в цикле «Записки юного врача» являют некую модель, в которой своеобразно представлено единство физической, концептуальной и перцептивной сторон времени / пространства и возможности «обратного» течения времени в художественном произведении.

Предельно конкретизированное, детализированное пространство, предстающее перед нами в «Записках юного врача», топонимически точно названное и подчёркнутое характерными природными и социально-бытовыми реалиями, репрезентовано как бытовая повседневность, имеющая статус пространственно-временной глобальности. Это и разнообразие форм времени (социально-историческое, бытовое, природное, психологическое) и разнообразие пространства (уездный город Грачёвка, сельцо Мурьино, деревня Грабиловка, усадьба Шалометьево). Сюжетика и фабульность рассказов цикла связаны с этим глобальным русским пространством / временем, которое внутри повествования имеет и свою длительность, и динамику, объединяя внутреннее, эмоционально-психическое время героя-нарратора с социально-историческим временем современности. Необходимо учитывать структуру времени (линейное, циклическое) и структуру пространства, что влияет на композиционную структуру произведения, а также особенности «шкалы времени»,

выражающейся в прямой или косвенной датировке, «хронологизации», «календаризации» либо неопределённой темпоральности, где мерой отсчёта выступают «день», «ночь», «неделя», «месяц», «год» и т.д., а также масштабов пространства («топос», «локус») и его репрезентации.

«Я-нарративная» организация художественного времени и пространства предстаёт перед нами в субъективной форме восприятия героя, но они, безусловно, связаны с авторским восприятием, ощущением, пониманием категорий времени и пространства как концептов бытия.

В данном исследовании нам представляется наиболее подходящим для обозначения «повествующего я» введённый Ф. Штанцелем термин-понятие «ауктор», которому присуща двойная функция: повествователя и главного героя. Именно «ауктор... моделирует пространство и время художественного мира произведения» [5, 9]. Ставя перед собой задачу изучить специфику пространственно-временного континуума «Записок юного врача» в ходе детального анализа составляющих цикла, в процессе выявления концептуальных основ понимания времени и пространства и набора выразительных средств их проявления у Булгакова, мы будем отвлекаться от взаимосвязи художественного пространства и времени (она необязательно создаёт хронотоп), рассматривая их и как самостоятельные категории в системе поэтики произведения. При этом мы будем обращать внимание на темпорализацию пространства и специализацию времени и на то, что выступает в этом процессе доминирующим началом. Хотя, как будет показано, в конкретных случаях порою используется не только традиционный хронотоп, но и складывается новый, несущий в себе новые признаки времени и пространства, особый концептуальный смысл (например, хронотоп больницы, хронотоп кухни). Он может быть трансформацией традиционного, хотя порою переосмысленного, а может быть авторским образованием. В данной статье сделана попытка осветить пространственно-временной континуум отдельных рассказов цикла, что даст возможность последующих теоретических обобщений.

Жизненное пространство юного доктора замкнуто, оно ограничено пространством Мурьинской больницы. Лишь однажды покинет он этот локус, отправившись на вызов в усадьбу в Шалометьево («Вьюга»). Это пространство предстаёт как центральное и на повествовательном и на концептуальном уровнях, от него идёт отсчёт в точных цифрах других топосов, о которых рассказывает герой: «сорок вёрст, отделяющих уездный город Грачёвку от Мурьинской больницы, ехали мы с возницей моим ровно сутки. И даже до курьёзного ровно: в два часа дня 16 сентября 1917 года мы были у последнего лабаза, помещающегося на границе этого замечательного города Грачёвки, а в два часа пять минут 17 сентября того же 17-го незабываемого года я стоял ... во дворе Мурьинской больницы» [1, 71]. Такая картографическая точность не только чётко обозначает пространственные локусы, где происходят события «Записок юного врача», передавая важнейшее свойство пространства – его протяжённость, но и служит созданию достоверности.

Оппозиция провинция / столица актуализирована в рассказе «Полотенце с петухом». Москва не описана в рассказе, а лишь названа. Молодой доктор жил и учился в Москве, поэтому воспоминания переносят его на какое-то мгновение в локус цивилизованного столичного города, в котором герой чувствует себя своим, защищённым от всех житейских невзгод. Противопоставление этих двух миров – столица / провинция – было хорошо известно в добулгаковской прозе, за ним стояло художественное постижение российской жизни, отражение специфики национального менталитета, делящего пространство своей страны на центр и периферию. Традиционный архетип центр / периферия в рассказе не развёрнут, но намечен. Он найдёт своё воплощение в несколько изменённом виде в рассказе «Тьма египетская». И если герою цикла поначалу лишь Москва кажется центром цивилизации, то по прошествии некоторого времени, проведённого в глуши и одиночестве, он с воодушевлением начинает думать об уездном городе, мечтая об его электрическом свете, магазинах, кинематографе и цивилизованных условиях жизни и работы. Таким образом, заданная в произведении антиномия топики не реализуется, хотя и намечена. Герой «Записок юного врача» прибывает в провинцию из Москвы, он попадает в социальные низы, покинув элитарную среду столицы. И эти передвижения героя в пространстве Москва – Мурьино означают не только перемены в его образе жизни, но и влияют на настроение, чувства, являя собой вариант классического хронотопа дороги. Но если в рассказе «Полотенце с петухом» он дан в свёрнутом виде, сохраняя оттенок мифологемы «дорога – путь» как поиска жизненного пути, то за пределами топоса Мурьина (рассказ «Вьюга») он приобретает главенствующее значение в понимании происходящего.

Тема деревенской глуши, в которую попадает герой-нарратор, разворачивается в двух основных планах: как топос, где есть пейзажные зарисовки, детали, упомянуты строения, и провинция как социальное образование, где подчёркнут нравоописательный аспект («этос»); персонажи даны здесь как социально-психологические представители деревни. Ауктор чётко разделяет пространство на топографически-природное, к которому он по большей мере относится нейтрально, и как социальный топос, который он осуждает.

Написанные от первого лица, рассказы, составляющие цикл «Записки юного врача», не являются дневниковыми записями, точно воспроизводящими всё пережитое. Это художественное

претворение действительности: Булгаков «создаёт своего героя – молодого, даже юного врача, на которого смотрит как бы со стороны, как старший, уже много переживший, ставя его в разные положения на основе своего опыта» [2, 116]. Именно это и обуславливает своеобразие фокализации.

В «Записках юного врача» нет развёрнутых пейзажей: они близки поэтике «пейзажной ре-марки», характерной для автодиегетических повестей А.П.Чехова. Пейзаж даётся не в простран-ных описаниях, а скорее в знаковых определениях. Пейзажный лаконизм цикла мотивирован, на наш взгляд, тем, что булгаковскому ауктору ближе не эстетическое восприятие природы, а более прагматичные цели его существования в ближайшее время. Первый пейзаж предстаёт не как простое описание места, а включает в себя воспринимающего героя, данного в одном гори-зонтальном пространстве с окружающим пейзажем, фиксирует его эмоционально-психологиче-ское состояние: «Сознаюсь, что в порыве малодушия я проклинал шёпотом медицину и заявле-ние, поданное пять лет назад ректору университета. Сверху в это время сеяло, как сквозь сито» [1, 71], «Я содрогнулся, оглянулся тоскливо...» [1, 72]. Героя охватывает злобное отчаяние, его мозги ошалели от качки и холода. Пейзаж темпорализован: это природное время осени (помимо прямого названия – «сентябрьский дождик», «в следующий раз уже будет октябрь», есть и до-полнительные его детали: «смякшая трава», «горбатое обглоданное поле», «сверху сеет и сеет», «серенький кислый сентябрь»). Ауктор не только воспринимает, но и «переживает» природу: об этом свидетельствует и оценочное определение, и признание того, что «умираешь медленной смертью» [1, 72]. Намечено темпорализованное противостояние героя и среды. В этом фрагменте Булгаков добивается той ёмкости и сжатости, которые являются одной из характерных черт его поэтики. Одновременно с намеченной коллизией героя и среды даётся характеристика его костю-ма, его времяпрепровождения, событий прошлого, и общий сиюминутный эмоциональный на-строй героя, его мысли, впечатления от созерцания своей будущей «резиденции». Булгаков явно наделяет своего героя импрессионистическим видением, т.к. в рамках темпоральности фиксиру-ется конкретное мгновение восприятия.

Фокализация (внешняя и внутренняя), с которой мы сталкиваемся в единичных и весьма скупых описаниях деревни, устойчиво связана с «образом серого»: «Да разве я мог бы поверить, что в середине *серенького кислого сентября* человек может мёрзнуть в поле, как в лютую зиму?! Ан, оказывается, может. И пока умираешь медленной смертью, видишь одно и то же, одно. Спра-ва горбатое обглоданное поле, слева чахлый перелесок, а возле него *серые драные избы*, штук пять или шесть. И кажется, что в них нет ни одной живой души. Молчание, молчание кругом...» (выделено нами) [1, 72]. Серый цвет часто выполняет судьбоносную функцию, олицетворяя те-кущее время, неумолимый детерминизм, судьбу. Время сумерек между пятью и шестью часами, называемое «часом между собакой и волком», окрашено в серый цвет. Именно мужик в сером привозит первую пациентку с раздробленными ногами, попавшими в мялку для льна («Полотен-це с петухом»), вестником рокового события становится пожарный из «Вьюги»: «Волчья шуба облекала его...» [1, 103]. На «волчьи мотивы» в мифопоэтическом подтексте произведений Бул-гакова и их привязке к часу «угнетения и печали» в своё время обратил внимание Е.А. Яблоков в статье «Тема «человека-волка» в романе М.А.Булгакова “Белая гвардия”» [7].

Оторванность от города и привычного образа жизни заставляет ауктора признаться, «что у меня здесь ничем не хуже необитаемого острова» [1, 122]. Б.В. Соколов, анализируя причины морфинизма Булгакова, который войдёт сквозным мотивом в его творчество (в «Записках юного врача» этот мотив не будет реализован, зато он станет центральным в примыкающем к циклу тематически и концептуально рассказу «Морфий») в период его работы под Вязьмой, отмечает, что «Михаил, привыкший к городским развлечениям, удобствам, наверняка тяжело и болез-ненно переносил вынужденный сельский быт, да ещё в такой глуши, как Никольское (не слу-чайно позднее он стал едва ли не самым урбанистским из русских писателей)» [4, 76]. Потому неслучайным представляется встраивание в пространство Мурьинской больницы локуса города. И как главный показатель цивилизации – электричество, которому ауктор поёт едва ли не гимн: «Мечтал об уездном городе... Там было электричество» [1, 92]; «Первые электрические фонари в сорока верстах, в уездном городе. Там сладостная жизнь. Кинематограф есть, магазины» [1, 112]; «Ярко горящие электрические лампы в матовых шарах, блестящий плиточный пол, всюду сверкающие краны и приборы» [1, 86]. Следует, однако, заметить, что в произведениях Булга-кова электрический свет, как правило, сопровождается негативными коннотациями («Налёт», «Роковые яйца», «Мастер и Маргарита»).

Система художественных средств «Записок юного врача» вводит в заблуждение своей ка-жущейся простотой и понятностью. Внешне цикл – это бесхитростный рассказ, искренняя ис-поведь героя-повествователя о важном периоде его жизни – работе в сельской больнице, распо-ложенной в глуши России, о первых шагах профессионального становления, о событиях, порой драматичных, порой анекдотичных, а порой трагических, происходящих в этот период его жиз-ни. Однако «неповторимая» история юного врача, разворачивающаяся в конкретном простран-

стве и конкретном времени, обладает определёнными обобщениями, делает героя человеком-интеллигентом начала века.

Список использованных источников

1. Булгаков М.А. Записки юного врача // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5-ти т. / М.А. Булгаков. – М. : Худож. лит., 1989. – Т. 1. – С. 71-145.
2. Земская Е.А. Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет / Е.А. Земская. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 360 с. – (Studia philological).
3. Лакшин В. Мир Михаила Булгакова / В. Лакшин // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5-ти т. – Т. 1. – М. : Худож. лит., 1989. – С. 5-68.
4. Соколов Б.В. Три жизни Михаила Булгакова / Б.В. Соколов. – М. : Эллис Лак, 1997. – 432 с.
5. Филат Т.В. Поэтика пространства и времени в русской повести конца 1880-х – начала 90-х годов / Т.В. Филат. – Днепропетровск : АРТ-ПРЕСС, 2002. – 418 с.
6. Яблоков Е.А. Текст и подтекст в рассказах М. Булгакова («Записки юного врача») / Е.А. Яблоков. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. – 103 с.
7. Яблоков Е.А. Тема «человека-волка» в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» / Е.А. Яблоков // Филол. записки: Вестник лит.-ведения и яз.-знания: Вып. 6. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 1996. – С. 82-90.
8. Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова / Е.А. Яблоков. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 424 с.

Summary. In the article the time as the object of the auctor's reflection in the cycle "The Notes by Young Doctor" by M.A. Bulgakov is analyzed. There are three time's plans in these short-stories: the auctor's present time, the time of the retrospection, the philosophical conception of the time. It is noticed that the hero's privacy existential time is correlates with the social and historical temporality.

Key-words: M.A. Bulgakov, artistic time, artistic space, focalization, reflection, auctor.

УДК 821.111.091

Т.О. Левицька

ІМІДЖІ ІУДЕЙКИ І ХРИСТІЯНКИ В РОМАНІ В.СКОТТА «АЙВЕНГО»

Використовуючи новітні методи дослідження однієї із наймолодших галузей літературознавства – імагології, автор статті досліджує історичні, культурологічні, соціологічні, психологічні, політологічні аспекти іміджів іудейки та християнки у романі Вальтера Скотта «Айвенго».

Ключові слова: імагологія, імідж, іудей, християнин, образ Чужого, Вальтер Скотт.

Літературні образи (іміджі) країн, культур, релігій, націй, що створюються в певній суспільній свідомості й відбиваються в літературі, за своєю природою і структурою є інтегрованими образами, специфічними соціокультурними дискурсами, що відзначаються значною тривалістю, однак не лишаються незмінними [4, 18]. З огляду на посилення в сучасному світі міжрелігійних, наднаціональних (об'єднавчі процеси у Європі) і глобальних діалогічних тенденцій, комунікативно-рецепційні аспекти дедалі більше цікавлять українських та зарубіжних літературознавців. Проблеми формування релігійних іміджів в літературі досліджували вітчизняні літературознавці Будний В. [1], Наливайко Д. [4;5], Орехов В. [6; 7], Ощепков А. [8], а також зарубіжні компаративісти Дудаков С. [2], Коваль Б. [3], Варрак І. (Warrag I.) [11; 12] та ін.

Як стверджує Д. Наливайко, «за своєю природою і структурою імагологічний літературний образ є ансамблем уявлень та ідей про Інше, не Свій світ і культуру, що неминуче виводить цей образ на перехрестя проблем ідеологічних і культурологічних, нерідко й політичних» [5, 95]. Предметом нашого дослідження є релігійний імідж, під яким розуміємо такий літературний образ, що конструює не лише індивідуальні риси, а й релігійну ідентичність зображуваних персонажів, подаючи певні їхні ознаки як «типові» для adeptів відповідної релігії. За своєю структурою літературний релігійний образ – це деталь, яка використовується для репрезентації усєї групи adeptів релігії.

З огляду на актуальність цієї проблематики у даній статті досліджено літературні релігійні образи, використанні для творення іміджу іудейки і християнки англійським письменником